

УДК 821.111(73)

Андрієнко Е.В.

ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И МИФОЛОГЕМА «МЫ» – «ОНИ» В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИИ

У статті висвітлюється питання зв'язку між міфологічною опозицією „Ми” – „Вони”, християнським світоглядом і сучасною соціокультурною реальністю Росії. Аналізується проблема міфологічного сприйняття влади, проблема статусу особистості, а також шляхи подолання конфліктного значення опозиції „Ми” – „Вони” на перехідному етапі через звертання до гуманістичних принципів християнського світогляду.

Ключові слова: гуманістичні принципи, міфологічне сприйняття, християнських світогляд.

In the article the question of connection between mythological opposition “We” – “They” and modern social and cultural reality in Russia is represented. The problem of apprehension of power, mythological state of person and also the ways of overcoming the difficulties of the conflict meaning of the opposition “We” – “They” are analyzed.

Key words: humanistic bases, mythological outlook, Christian ideology.

Понятие «иногo» является неотъемлемым элементом восприятия на уровне межличностной и межгрупповой коммуникации. Данное понятие является мифологическим по сути и базируется на наиболее архаичных пластах человеческого сознания. Понятие «иногo» уходит корнями в далекое прошлое, когда для того, чтобы выжить, было необходимо проводить четкое разделение окружающей реальности на «свое» и «чужое». В современном обществе это понятие тесно переплетается с феноменом культурной инаковости. Социальное развитие практически не внесло коррективы в мифологему «Мы» – «Они», хотя благодаря попыткам ее преодоления возникло явление толерантности. В то же время, активизация этой архаичной дихотомии несет в себе серьезную опасность раскола общества на основе резкого культурного дистанцирования. Особенно актуальной данная проблема является для Российской Федерации. Россия на протяжении всех периодов своей истории была и остается полиэтничным сообществом. Социум, включающий столь разнообразные культурные и этнические стереотипы, ориентиры, модели поведения, представляет собой сложную систему, стабильность развития которой во многом зависит от степени толерантности его членов. Особую роль играет специфика нынешнего состояния российского общества. После распада СССР Россия, как и многие другие государства, попала в сложный переходный период, во время которого социальное равновесие может быть легко разрушено. Недавние события в Чечне наглядно продемонстрировали значимость поисков снятия или хотя бы смягчения оппозиции «Мы» – «Они». Данная статья представляет собой попытку найти ответ на этот сложный вопрос в христианском мировоззрении.

Проблема социокультурной дихотомии «Мы – Они» неоднократно рассматривалась в работах как российских, так и зарубежных авторов. Среди них –

Д. Ольшанский [1], В.Р. Гатчисон [2], С. Головащенко [3], М. Черняков [4], а также З. Сикевич, О. Крокинская, Ю. Поссель [5] и другие. В то же время отмечается практически полное отсутствие работ, посвященных анализу проблемы культурной инаковости в контексте общества переходного периода в связи с христианской системой мировоззрения, что, ввиду большой актуальности вопроса, свидетельствует о необходимости его активного изучения.

Христианское мировоззрение как способ отношения к окружающей действительности является одним из определяющих культурных элементов современного российского общества. В данном случае следует различать христианство как завершённую религиозную и теологическую систему и тот отпечаток, который оно наложило на менталитет и психологию народов, среди которых распространилось.

Современное российское общество является глубоко секуляризованным. В то же время христианские идеи и этические установки во многом продолжают обуславливать поведение и мировоззрение большинства его членов. Механизм, действующий в данном случае, очень прост. Идеи Евангелия легко и незаметно усваиваются сознанием, начиная с периода раннего детства через язык (поговорки, выражения из Библии, ставшие крылатыми, и т.д.). Стоит задуматься, часто ли, произнося выражения: «Фома неверующий», «око – за око, зуб – за зуб», «хлеб насущный», «ложка дегтя в бочке меда», – мы задумываемся над их значением и происхождением. Поскольку именно язык наиболее эффективно впитывает общие знания и традиции, сложившиеся в рамках той или иной культуры, лексика является отражением базовых ценностей и основных мифологем, функционирующих в сознании народа.

В периоды относительно стабильного социально-политического развития основная роль заложенных в массовом сознании мифологем заключается в обеспечении успешности процесса социализации, поддержании социального единства, а также целостной картины мира. Но в период системных социальных трансформаций значение рационального подхода к реальности резко снижается и на первое место выходит именно архаический мифологический пласт человеческого сознания. По словам Д. Ольшанского, «Мы» появилось в человеческом сознании значительно раньше, чем «я» [1, с. 44]. Мифологическое сознание, как известно, характеризуется нерасчлененностью, отсутствием четкой дифференциации. Для того чтобы возникло разделение, в психологическом контексте была необходима встреча с «иным», причем это «иное» чаще всего выступало носителем совершенно конкретных отрицательных свойств – агрессии, опасности, смерти и т.д. Но именно это «иное» является важным условием существования «Мы» как отдельной, целостной и осознающей себя человеческой общности. Таким образом, внутреннее разделение социальной реальности на сферы «Мы» и «Они» предстает естественно выработанным свойством человеческого сознания. С другой стороны, «Они» далеко не всегда действительно несут некий отрицательный оттенок. Так, молодежь – в определенном смысле «чужие» для пожилых людей (и наоборот), работодатели – для работников, горожане – для крестьян [5, с. 134]. Но, несмотря на социальный и

культурный прогресс, архаичные механизмы продолжают эффективно определять поведение членов общества. Особенно ярко данный феномен проявляется в периоды революций, войн, реформ и других трансформационных процессов. Причем во время проведения предвыборных кампаний и других подобных политических мероприятий как в России, так и в других странах данный аспект используется вполне сознательно. В частности, ярким примером этого тезиса служит название знаменитой украинской партии «Наша Украина», оказывающей в настоящее время достаточно сильное влияние (несмотря на итоги парламентских выборов 2006 г.) как на внутреннюю политику Украины, так и на ее отношения с Россией. Сама формулировка предполагает наличие дихотомии «Мы» – «Они». Во многом благодаря правильно подобранному, с точки зрения социальной психологии, лозунгам эта партия осуществила «оранжевую революцию» 2004 г.

В украинском случае дополнительную роль сыграла социальная ориентация общества на индивидуализацию. В аспекте массового сознания России мифологема «Мы» – «Они» работает несколько иначе. В России традиционный стереотип поведения, по определению, данному З. Сикевич, О. Крокинской, Ю. Пассель, в целом, предполагает «выбор в пользу коллективизма и закрытости» [5, с. 130]. И, хотя выбор молодого поколения постепенно смещается в сторону индивидуализма и открытости, динамика этих изменений остается неоднозначной. Несмотря на привнесенные глобализацией изменения, исторически сформированные мифологемы оказывают более сильное воздействие на мышление и поведение людей. Потенциальная опасность активизации мифологической дихотомии «Мы» – «Они» для российского общества заключается в том, что может привести к его расколу при способствующих этому внешних обстоятельствах. Россия является масштабным полиэтническим сообществом, а этнические, культурные, религиозные и другие различия сами по себе определяют неосознанные дистанции. Тревожными являются данные социологического исследования, приводимые российскими учеными, авторами работы «Социальное бессознательное»: во время опроса большинство респондентов оценили православие как «абсолютное добро», а ислам как «абсолютное зло» [5, с. 156]. Хотя при этом понятие «Восток» не имеет в массовом сознании россиян жесткой связи с неприязнью к исламу, а понятие «Запад» слабо соотносится с «западными» ценностями. В результате проведенного исследования З. Сикевич, О. Крокинской, Ю. Пассель [5, с. 157] был сделан вывод, что психологически «своя» страна находится где-то посередине. Это свидетельствует о наличии определенной терпимости в массовом сознании россиян, что является однозначно позитивным моментом. В то же время переходный период, из которого российское общество только начинает выходить, характеризуется системными изменениями, которые часто невозможно спрогнозировать. В данном случае возникает необходимость поиска альтернативных путей решения проблемы ценностного вакуума. Для России на протяжении долгого времени роль доминирующей культурной основы и ориентира социального поведения успешно выполняли евангельские принципы. Слова Евангелия о том, что «во Христе нет ни эллина, ни иудея», для России звучат особенно актуально. Евангелие представляет

собой не только чрезвычайно глубокий религиозный текст, но также содержит модель мировоззрения и поведения, снимающую оппозицию «Мы» – «Они», так как на первое место выдвигается не разделение, а призыв к единству и человеколюбию. На первый взгляд при прочтении текста Евангелия может показаться, что в нем также содержится дихотомия «Мы» – «Они». Такое впечатление может возникать при поверхностном рассмотрении некоторых элементов текста Евангелия. В частности, противопоставления земного бытия и Царствия Небесного и акцент на том, что христиане не принадлежат этому миру.

В отношении данного мотива, получившего развитие в концепции Августина Блаженного о Граде Земном и Граде Божьем, следует отметить, что он является христианским примером восприятия общества и государства: Земной Град, который «не будет вечным» и «имеет свои блага на земле», а его духовная цель и противоположность – Град Божий, – всегда существующий в перспективе и выступающий в роли конечной цели социальной, этической и духовной активности [7, с. 710]. Если у Августина существует дихотомия «Град Небесный» – «Град Земной», то в массовом сознании переходного общества существует иная дихотомия – сумбурное и шаткое настоящее и возможное гармоничное и стабильное будущее. Русская ментальность приняла эту дихотомию, которая нашла выражение в оппозиции «власть» – «народ», парадоксальным образом сочетаясь с мифологемой «добраго царя» или «Мессии», воплощением которой часто становится наделенное властью лицо (например, президент). Характерно, что в Новом Завете личность Христа, наряду со Спасителем всего человечества, также имеет аспект Мессии, посланного «Дому Израиля» и исполнителя национальных ожиданий. Это свидетельствует о глубоком мифологическом происхождении социальных представлений о власти.

В Евангелии, мировоззренческое влияние которого очень сильно, фрагменты текста, касающиеся эсхатологии и призыва к спасению и рассматриваемые вне общего контекста, часто ошибочно оцениваются как призыв к разделению. В действительности глубинная идея Евангелия, как и христианского мировоззрения, совершенно иная – объединение людей на основе гармонии и любви к Богу и к ближнему, так как «... всякое царство, разделившееся в самом себе, опустеет, и дом, разделившийся в самом себе, падет» (Ев. от Лк 11:5). И, несмотря на то, что Христос называл своих учеников «малым стадом» (Ев. от Лк 12:32), Его последним напутствием на земле были слова: «Идите! И научите все народы...» (Ев. от Мф. 28:19). Важным моментом является освещенная в Новом Завете гармоничность отношения к мировому порядку, показанная через традиционные культурные формы обеспечения общественной целостности. В частности, это акцент на преемственности поколений. Так, Христос не просто преодолевает Закон, данный праотцами, но исполняет его. Другим важным понятием, заложенным в Евангелии, а также в Ветхом Завете, является понятие мира и миролюбия. Мирный союз обеспечивает гармоничные отношения в рамках общности, которая является «деланием добраго» (Быт. 26:28-29). Мир отдельного человека зависит от благополучия всей общности, поэтому каждый должен способствовать этому. «Миролюбие» является критерием

отождествления и идентификации, а также «определенной интегральной характеристикой социального взаимодействия – совместного проживания и взаимопроникновения» [3, с. 355]. Призыв к миру выступает в качестве социально-коммуникативной модели, а ее необходимость в каждой конфликтной ситуации оформляется как норма, заповедь (Второз. 20:10-12). Библейская идея миролюбия как основного принципа поведения в социуме перекликается с русской народной этикой, русской общиной, называемой «миром», основанной не на кровном родстве, а на внутреннем единстве, соседстве и совместном труде. Мир в Священном Писании характеризуется тотальностью и распространяется на «ближних» и «дальних» (Ис., 57:19). Мир предстает как гармония внутреннего мира человека и межличностных отношений и носит при этом непосредственно этический характер: стремление к добровольному примирению, без вмешательства государства (Мф. 5:52). Данное положение отражает базовые демократические принципы гражданского общества. Таким образом, текст Евангелия не следует всегда воспринимать буквально. Необходимо опираться на контекст при анализе отдельных фрагментов. В целом христианское мировоззрение, родственное и приемлемое для современного российского общества благодаря заложенным в нем универсальным гуманистическим идеям, в переходный период социального развития вполне способно принять на себя функции механизма снятия потенциально опасной (в случае использования с целью политического манипулирования сознанием) мифологемы «Мы» – «Они».

В контексте снятия дихотомии «Мы» – «Они» возникает проблема статуса личности. В определенном смысле, личность также является результатом дихотомии, но уже не между «Мы» и «Они», а между «Они» и «я». Отсутствие четкой шкалы ценностей и норм, четко определенных границ дозволенного ставит личность перед необходимостью активных действий, направленных на трансформацию социальной реальности. Известно, что одной из основных характеристик переходного периода является активизация аномии и социальной дезориентация. Обращение к непреходящим ценностям Евангелия в данной ситуации способно снять психологический стресс, поскольку сама концепция христианского понимания истории включает наличие перспективы и цели развития – установление всеобщего гармоничного миропорядка. По словам М. Черенкова, «христианское сообщество должно стать оплотом здравого консерватизма в стремительно меняющемся мире» [4, с. 67]. Для этого необходимо активное обращение к принципам гуманизма, успешно и в полной мере представленного именно в рамках христианского мировоззрения.

Здесь возникает вопрос о способах активизации данных идей в массовом сознании. Конечно же, речь не может идти о навязывании определенных религиозных принципов или идей, поскольку такой подход является неэффективным и неадекватным в отношении поликультурной и полирелигиозной российской действительности. В то же время существуют такие методы как социальное просвещение, миссионерство и культивация духовных ценностей в массовом сознании через СМИ и институты образования (в частности, придание более высокого статуса гуманитарным дисциплинам в российской системе образования, особенно курсам, посвященным изучению истории, культуры и религий мира).

Только через просвещение и духовное единство российское общество может прийти к состоянию демократии.

Таким образом, мифологема «Мы» – «Они» является архаичным элементом мировосприятия, но не утратила своего значения и в современном мире. В переходные периоды социального развития, когда происходит крах устоявшейся ценностной системы, в обществе наблюдается активизация данной мифологемы, что при определенных условиях может стать толчком к разрушению единства социальной системы, состоянию войны «всех против всех» и установлению мировоззрения, основным принципом которого является принцип силы. В рамках переходной социокультурной реальности России выход может быть найден в обращении к традиционным ценностям и идеям христианского мировоззрения, так как оно: а) исторически родственно русской ментальности; б) в состоянии всеобщей дезориентации и нестабильности несет в себе стабильные этические и мировоззренческие принципы, создает перспективу будущего и снимает возникший в индивидуальном и массовом сознании стресс; в) в силу универсальности своих принципов является эффективной моделью социальной коммуникации и снятия в общественном сознании оппозиции между различными культурами, направляя общественное развитие по пути демократизации.

Литература:

1. Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2001. – 368 с.
2. Гатчисон В.Р. Христианство, культура і пов'язані з ними ускладнення: протестантське ставлення до місії – С. 291-309.
3. Головащенко С. Біблієзнавство. – К.: Либідь, 2001. – 496 с.
4. Черенков М. Диалог конфессий как социально-политический фактор // Материалы международной научной конференции «Взаимоотношения между политикой и христианством». – Донецк: Донецкий христианский университет. – Ровно: ПП ДМ, 2006. – 120 с.
5. Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005. – 267 с.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
7. Августин (Блаженный). О Граде Божиим. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 1294 с.